

Для цитирования: Илюхин А. А., Пономарёва С. И., Илюхина С. В. Экономический рост и фактор созидательного разрушения // Журнал экономической теории. — 2019. — Т. 16. — № 4. — С. 630-639

doi 10.31063/2073-6517/2019.16-4.3

УДК 330.88

JEL I16, O38, O40, O43

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ И ФАКТОР СОЗИДАТЕЛЬНОГО РАЗРУШЕНИЯ¹

А. А. Илюхин, С. И. Пономарёва, С. В. Илюхина

Статья посвящена исследованию фактора созидательного разрушения в теориях экономического роста. Цель работы — исследование фактора созидательного разрушения в теории эндогенного роста и определение практических форм его применения в экономической политике. Решены следующие задачи: определение фактора созидательного разрушения и механизм его действия в теориях эндогенного роста, рассмотрена актуальная трактовка созидательного разрушения в контексте формирования новой модели роста; рассмотрено влияние фактора созидательного разрушения на совокупную факторную производительность труда и динамику ВВП, исследованы возможности практического использования эндогенных теорий роста и созидательного разрушения при формировании политики экономического роста в России. В основу работы положена гипотеза о том, что фактор разрушения в теориях экономического роста может создать основу для формирования хозяйственной среды, способной обеспечить новое качество экономического роста. Используются общенаучные и статистические методы исследования: метод сравнения, системного анализа, систематизации информации и экспертных оценок, исследование аналитических показателей динамических рядов, анализ среднесписочной численности работников по полному кругу организаций, метод среднего абсолютного прироста по точкам экстремума, по средним значениям экономически активного населения. Рассмотрены теоретико-методологические основания трактовки теорий экономического роста, устойчивого развития, фактора созидательного разрушения в эндогенных теориях экономического роста. Отмечается амбивалентность понятия «рациональность», принятая экономической наукой. Анализируются факторы экономической политики, инициирующие рост и поддерживающие его в данной стране. Теоретическим обоснованием этого подхода является теория созидательного, творческого, или креативного, разрушения. Рассмотрены три типа экономических и институциональных ограничений (факторов), не позволяющих запустить процесс созидательного разрушения в российской экономике. Исследован фактор ограниченности и структурных диспропорций трудовых ресурсов с точки зрения рациональности распределения экономически активного населения, это послужило основой для разработки методических подходов к исследованию динамики прогнозов экономически активного населения. Делается вывод о том, что фактор созидательного разрушения в решении задачи экономического роста в России недостаточно востребован, но при должной реализации может обеспечить принципиально новое его качество — устойчивое развитие. Результаты работы определяют направления дальнейших исследований: разработку мер по обновлению основных фондов и повышению инвестиционного спроса, а также оптимизации занятости в экономике и повышению производительности общественного труда.

Ключевые слова: теория экономического роста, устойчивое развитие, теория эндогенного роста, фактор созидательного разрушения, модель экономического поведения, методология исследования

Актуальность и методология исследования

Проблема поиска нового качества экономического роста — главная проблема мировой экономической науки и хозяйственной практики. Она является актуальной абсолютно для всех стран, развитых и развивающихся. Особое значение она приобрела в начале текущего столетия, это было связано с образованием некоего «разрыва» между технико-технологическими

факторами процесса воспроизводства и его организационно-экономическими формами. Революционные изменения в технике и технологиях явно опережают теорию и практику организации экономического развития. Поэтому проблема обеспечения нового качества экономического роста явно смещается в область экономической науки и практики, которые не могут предложить адекватных форм и методов устойчивого поступательного развития общественного хозяйства.

¹ © Илюхин А. А., Пономарёва С. И., Илюхина С. В. Текст. 2019.

Следует также отметить возникновение и бурное развитие различного рода природных, демографических, интеграционных и политических процессов, которые только усугубляют складывающуюся хозяйственную ситуацию:

- климатические проблемы и истощение запасов природных ресурсов в большинстве стран;

- проблемы естественного прироста населения в развитых странах и связанная с этим международная миграция населения и рабочей силы;

- возникновение новых форм массовых заболеваний в странах третьего мира и их неконтролируемое распространение;

- возникновение различного рода агрессивных экстремистских течений и группировок, которые активно вмешиваются в хозяйственные процессы, и т. п.

В сложившихся условиях хозяйствования требуются новые, нетрадиционные подходы, способные обеспечить экономический рост. Мировое научное и хозяйственное сообщество предлагает новые методологические концепции экономического развития, среди которых прежде всего стоит обратить внимание на теорию устойчивого развития (sustainable development). Она разработана в исследованиях членов Римского клуба по ограничениям и пределам роста: труды М. Портера по неценовой конкуренции (Porter, 1998), работы Д. Х. Медоуза, Д. Л. Медоуза, Й. Рандерса, W. W. Behrens (Meadows et al., 1972; 1972; 2004). Основные идеи концепции устойчивого развития положены в соответствующую программу ООН по данной проблеме, в основе которой решения конференции ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, в 1992 г.¹ Под устойчивым понимается такое развитие, «которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности»².

Эта концепция предполагает такой тип экономического роста, при котором условия (факторы) общественного воспроизводства экономических благ не истощаются, а пополняются для расширения производства и потребления

будущих поколений. Данная стратегия сама по себе идеальна, но требует форм практической реализации, таковы условия для поиска новых форм хозяйствования.

Все отмеченные факторы новой экономической реальности характерны и для России (Илюхин, Илюхина, 2018). Развернувшаяся на страницах отечественных научных журналов дискуссия, предметом которой являются новая модель роста, его темпы и источники, имеет прикладное значение, поскольку во многом определяет направления соответствующей государственной политики. Актуальным становится концептуальное обоснование решения новых проблем и прежде всего — обеспечение экономического роста в России в сложившихся условиях (Илюхин и др., 2019). Не случайно оказались востребованными все существующие теории экономического роста и их прикладные выводы о необходимых мерах для построения новой модели экономического роста в России.

Цель предлагаемой работы — исследование фактора созидательного разрушения в теории эндогенного роста и определение практических форм его применения в экономической политике.

Данная цель достигается решением следующих задач:

- определение фактора созидательного разрушения и механизма его действия в теориях эндогенного роста;

- рассмотрение актуальной трактовки созидательного разрушения в контексте формирования новой модели роста;

- рассмотрение влияния фактора созидательного разрушения на совокупную факторную производительность труда и динамику ВВП;

- исследование возможности практического использования эндогенных теорий роста при формировании политики экономического роста в России.

В основу работы положена гипотеза о том, что фактор разрушения в теориях экономического роста может создать основу для формирования хозяйственной среды, способной обеспечить новое качество экономического роста.

Созидательное разрушение в теориях экономического роста

Основоположником современной теории экономического роста можно считать Р. Солоу, который предложил ставшую уже базовой модель роста и сформулировал так называемое «золотое правило» (Solow, 1956). Суть его мо-

¹ Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 19.08.2019).

² Наше общее будущее: Доклад МКОСР. М.: Прогресс, 1989. С. 50.

дели достаточно проста и представлена во многих учебниках по макроэкономике. В модели Солоу, разработанной в рамках теории экзогенного экономического роста, производство растет за счет увеличения инвестиций в основной капитал и соответствующего роста капиталовооруженности труда до достижения сбалансированного состояния, после чего его дальнейший темп зависит только от роста населения и технологического прогресса. Солоу предложил ставший известным метод оценки адекватности национального уровня накопления: необходимо сравнить темпы прироста объемов производства (и соответственно загрузки мощностей) с величиной усредненной чистой отдачи от национального капитала. Модель Солоу оказалась довольно удобным и несложным в использовании аналитическим инструментом, с помощью которого стало возможным изучить воздействие на экономический рост различных составляющих производственной функции и технического прогресса. Использование модели Солоу позволяет выбрать наиболее эффективную структуру капиталовложений и определить оптимальное направление экономического роста, в частности, она может быть применена, к примеру, для характеристики восстановительного роста российской экономики 1999–2008 гг., когда инвестиции в возобновление и перепрофилирование производства обеспечивали большой эффект при наличии достаточно высококвалифицированного трудоспособного населения.

Если в «старых» моделях рост является функцией прироста капитала и труда, то современные модели, появившиеся в 1980-е годы, предлагают учитывать совокупную факторную производительность и ее динамику. В новых моделях экономисты попытались представить некоторые параметры роста не экзогенными, а эндогенными (Замулин, Сонин, 2019). Так, П. Ромер в начале 1990-х годов ввел в модель Р. Солоу главный фактор современного экономического роста — технический прогресс, который стал рассматриваться как эндогенный источник роста (Romer, 1990). В новой теории предусматривается анализ положительных внешних эффектов экономического роста, например, расходы на НИОКР, инвестиции в инженерные разработки, что обеспечивает для экономики, располагающей достаточно развитой наукой, источник возрастающей отдачи. Таким образом, предложенная Ромером эндогенная модель роста, получившая Нобелевскую премию (2018 г.),

иллюстрирует процесс трансформации прироста знаний в увеличение ВВП.

Однако наряду с обсуждением фундаментальных мер по поддержанию экономического роста важно обозначить специфические для той или иной страны способы придать первичный импульс его оживлению в определенный момент (например, при выходе экономики из рецессии). В начале 1990-х годов появляются модифицированные версии предшествующих моделей, которые уже включают фактор созидательного разрушения (Замулин, Сонин, 2019). Соответственно экономисты предлагают различать факторы экономической политики, иницирующие рост, и факторы, поддерживающие его в данной стране. Теоретическим обоснованием этого подхода является теория созидательного, творческого, или креативного, разрушения Шумпетера (Schumpeter, 1942) в ее современной интерпретации.

Современные интерпретации идеи Шумпетера о созидательном разрушении представлены в эндогенных моделях экономического роста Ф. Агийона и П. Хоуита (Aghion, Howitt, 1992). Основная идея представленной теории, хотя и имеет некоторое сходство с моделью Ромера, вместе с тем имеет принципиальное отличие. В ромеровской модели технический прогресс происходит в результате того, что фирмы изобретают и внедряют новую продукцию и тем самым повышают общий технологический уровень, а следствием этого процесса становится вытеснение низкоэффективных фирм высокоэффективными. В модели Ф. Агийона и П. Хоуита предполагается, что предприниматель, предложивший новые продукт и технологию, не только повышает общий технологический уровень в экономике, но и вытесняет с рынка производителя морально устаревшей продукции (Aghion, Howitt, 1992). Поскольку этот процесс фактически аналогичен «созидательному разрушению», авторы назвали свою теорию шумпетерианской.

Созидательное разрушение в теориях экономического роста: уроки для России

Включение современных моделей роста в анализ экономической практики дает новый аналитический инструментарий как для понимания проблемы экономического роста, так и для разработки эффективной экономической политики. Известно, что предлагаемые модели уже используются зарубежными экономистами и практиками для оценки влияния эндогенных параметров роста на совокупную факторную производительность и динамику ВВП.

Мы согласны с экономистами, полагающими, что теория эндогенного экономического роста предлагает много полезных выводов и для современной России (Замулин, Сонин, 2019; Катуков и др., 2019; Миронов, 2019).

В отечественной научной литературе до сих пор не утихают дискуссии относительно причин замедления темпов экономического роста. Проблема формирования условий перехода к новой модели роста по-прежнему находится в центре внимания экономистов. Как отмечают участники дискуссий, фактическое замедление динамики роста в России обусловлено в значительной мере фундаментальными технологическими и институциональными факторами, которые могут ограничить рост эффективности и склонность к инвестированию (Дробышевский, Казакова, 2016; Дробышевский и др., 2018; Илюхин и др., 2017; Мау, 2019).

В современных научных дискуссиях предложено множество подходов к анализу факторов экономического роста в России, но все авторы едины в том, что для возобновления роста необходимы структурные и институциональные реформы. Новая модель роста — и это особо подчеркивают участники дискуссий — должна быть основана не столько на наращивании факторов производства, сколько на повышении эффективности их использования, то есть совокупной факторной производительности. Соответственно ставится задача обозначить макроэкономические и институциональные ограничения экономического роста и выделить факторы, инициирующие рост, и факторы, поддерживающие его.

Российскими экономистами предложены новые подходы к разработке и обоснованию мер экономической политики в условиях перехода к новой модели роста. Так, вызывают интерес разработка и практическое применение методики оценки потенциального роста (Орлова, Егиев, 2015; Орлова, Лаврова, 2019). Предлагается новый подход к анализу динамики основных факторов, определяющих потенциальный рост российской экономики: капитала, труда и совокупной факторной производительности. И хотя для российской экономики оценка потенциального роста — относительно новая задача, решение которой усугубляется недостатком статистической информации, тем не менее, в последнее время появляется большое количество новых подходов и методик анализа структурных показателей. Авторы данного подхода отмечают, что потенциальный рост становится важным пока-

зателем для формирования эффективной экономической политики.

Анализ потенциального роста позволил авторам представленной концепции провести анализ ключевых факторов замедления фактического экономического роста в России (Орлова, Егиев, 2015; Орлова, Лаврова, 2019). Соответственно можно рассмотреть экономические и институциональные ограничения, не позволяющие запустить процесс созидательного разрушения.

Первое — низкий уровень инвестиционного спроса, и прежде всего в машины, оборудование, хотя экономический рост, в конечном счете, индуцируется производственными инвестициями. Именно из-за низкого уровня обновления основных фондов и недостаточного инвестирования в объекты интеллектуальной собственности в российской экономике имеет место сравнительно невысокий показатель накопленного капитала (Орлова, Лаврова, 2019).

Второй фактор замедления фактического роста — ограниченность и структурные диспропорции трудовых ресурсов, в том числе обусловленные действием демографических факторов. Отметим, что помимо количественных ограничений на рынке труда обостряется проблема качества трудовых ресурсов.

Третий фактор, определяющий динамику экономического роста, — занятость (использование рабочей силы) и производство ВВП на одного работника (производительность труда) (Воскобойников, Гимпельсон, 2015; Мау, 2019; Медведев, 2018).

Наиболее интересным и перспективным для разработки авторам представляется второй фактор замедления фактического экономического роста — ограниченность и структурные диспропорции трудовых ресурсов, особенно с точки зрения рациональности распределения экономически активного населения. Это послужило основой для разработки методических подходов к исследованию динамики прогнозов численности экономически активного населения. Базой такого исследования была выбрана Свердловская область, крупный промышленный регион с развитой экономикой, для которого характерны все хозяйственные процессы, происходящие в России.

Был проведен анализ и разработан прогноз тенденций динамики численности экономически активного населения региона. Методика мониторинга движения населения Свердловской области основана на статистических инструментах: исследование аналитических показателей динамических рядов, ана-

лиз среднесписочной численности работников по полному кругу организаций, метод среднего абсолютного прироста по точкам экстремума, по средним значениям экономически активного населения (Сурнина и др., 2017).

Анализ динамики численности экономически активного населения Свердловской области за период 2005–2018 гг. по видам экономической деятельности, расчетные показатели вариации среднегодовой численности занятых в экономике за этот период позволили разработать прогноз численности экономически активного населения по отраслям экономики на 2020 г.¹

Анализ временных рядов позволил сделать следующие выводы: при общей тенденции уменьшения большинства показателей прогноз, сделанный методом среднего абсолютного прироста, показывает, что численность всего экономически активного населения (ЭАН) в Свердловской области к 2020 г. по сравнению с 2015 г. снизится на 7,9 %.

В сфере добычи полезных ископаемых произойдет снижение ЭАН на 8,1 %, в том числе и потому, что происходит истощение материально-сырьевой базы. Показатели объемов добычи с 2005 по 2011 гг. росли — с 5,3 до 10,16 т соответственно, а с 2012 года по 2015 гг. наблюдалось падение — с 9,88 т до 7,88 т. Финансирование данной сферы также пошло на спад: с 544 млн до 476,3 млн руб. соответственно. Об этом говорится в материалах Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)².

В сфере обрабатывающих производств может понизиться численность ЭАН на 9,4 %, в том числе и потому, что существует корреляция со сферой добычи полезных ископаемых (т. е. в сфере добычи полезных ископаемых произошел спад, соответственно в сфере обрабатывающих производств тоже, так как попросту не хватает ресурсов). Прослеживается тенденция замедления темпов роста. Также существует несоответствие системы подготовки профессиональных кадров потребностям промышленного сектора. Дефицит необходимого количества работников требуемых профессий и квалификации испытывают практически все промышленные предприятия.

¹ Рассчитано авторами на основе данных официальной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://sverdl.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/sverdl/ru/statistics/sverdlStat/employment (дата обращения: 19.08.2019).

² Рассчитано авторами на основе данных официальной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/organizations> (дата обращения: 19.08.2019).

В сфере производства и распределения электроэнергии, газа и воды сокращение составило 3,81 %, что может быть связано при прочих равных с автоматизацией процессов. В сфере строительства — также сокращение на 4,86 %, что может быть связано с незарегистрированной официально рабочей силой, прибывающей из стран ближнего зарубежья.

При сохраняющейся тенденции численность экономически активного населения Свердловской области в сфере оптовой и розничной торговли; ремонта автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования, операций с недвижимым имуществом, аренды и предоставления услуг к 2020 г. по сравнению с 2015 г. уменьшится на 14,87 и 15,64 % соответственно. Это связано с тем, что в развитии торговли часто имеют место недостатки в качестве обслуживания покупателей, ориентированность на увеличение добавленной стоимости за счет агрессивных маркетинговых технологий. Серьезной проблемой остается низкая квалификация торгового персонала, медленный переход на новые стандарты обслуживания. Однако обнадеживающим является фактор развития интернет-магазинов и онлайн-торговли на территории региона.

Число работников в секторе гостиниц и ресторанов к 2020 г. уменьшится на 15,31 %. Снижение численности ЭАН к 2020 г. в сфере транспорта и связи на 2,71 % связано с тем, что при возрастающей ежегодно потребности экономики в автомобильных перевозках автодороги из-за недостаточного финансирования становятся одним из факторов, сдерживающим темпы экономического роста в Свердловской области.

Однако при общей тенденции сокращения прогнозируется прирост численности ЭАН по некоторым видам экономической деятельности, например, в сфере сельского хозяйства, охоты и лесного хозяйства, где к 2020 г. по сравнению с 2015 г. ЭАН увеличится на 3 %. Это может быть связано с увеличением среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников; с ростом выпуска продукции сельского хозяйства в фактически действовавших ценах (окончательные данные). С 2005 по 2011 гг. выпуск увеличился с 84 343,4 млн руб. до 294 235,6 млн руб. Или, возможно, причиной послужило слияние статистической отчетности с сектором рыболовства и рыбоводства.

Как видим, снижение численности рабочей силы заметно влияет на структуру занятых в

экономике. В новых экономических реалиях от органов государственного управления требуются дополнительные меры по изучению и компенсации тенденций изменения структуры занятых в экономике. Необходимо разделение объективных тенденций и процессов, обусловленных социальным и технологическим прогрессом, и субъективных, вызванных структурными и инвестиционным перекосами в региональной экономической политике. Данные проведенного мониторинга во многом объясняют широко обсуждаемые в стране хозяйственные инициативы об изменении регламентирования движения рабочей силы — сокращении продолжительности рабочей недели и порядка предоставления отпуска работникам, они обсуждаются в рамках цифровизации трудовых отношений с закреплением в Трудовом кодексе.

В целом в российских условиях возникает настоятельная необходимость в формировании новой инвестиционной модели роста, включающей фактор созидательного разрушения, практическая реализация которой позволит выйти на искомые темпы развития и устойчивый рост.

Заключение

Еще раз уточним, что созидательное разрушение в его современной интерпретации включает процесс конкурентного вытеснения с рынка низкоэффективных фирм, использующих устаревшие технологии и производящие морально устаревшие продукты, высокоэффективными фирмами. Соответственно для возобновления экономического роста необходимо проведение структурных реформ. Можно утверждать, что сегодня наблюдается процесс формирования структурного экономического мышления и соответственно появляются современные концептуальные средства, позволяющие обосновать необходимость проведения структурных преобразований. Экономисты, поддерживающие данную точку зрения, справедливо утверждают, что можно говорить о формировании современной структуралистской парадигмы, в рамках которой важнейшим условием, инициирующим экономический рост, выступают структурные преобразования, с переливом труда из секторов с низкой производительностью или замедляющимся развитием в более высокопроизводительные и перспективные, т. е. фактически с политикой «созидательного разрушения» (Миронов, 2019; Миронов, Коновалова, 2019; Орлова, Лаврова, 2019). Процесс трансформации производ-

ственных структур происходит, когда быстрорастущие секторы и фирмы опережают другие, что также включает повторяющийся феномен «созидательного разрушения». Вместе с тем политика выборочной поддержки преимущественно быстрорастущих предприятий может сопровождаться определенными рисками. Для их предотвращения целесообразно использовать рыночные механизмы созидательного разрушения, которые обеспечат конкурентное вытеснение неэффективных фирм. Однако, инициировав рост за счет мер структурной политики, важно сделать его стабильным.

Для того чтобы запустить процессы «созидательного разрушения», важно не только обеспечить технологический прогресс, но и повысить гибкость рынка труда и мобильность рабочей силы и, возможно, снять жесткие ограничения на увольнение работников (Воскобойников, Гимпельсон, 2015). Возникает вопрос о воздействии структурных сдвигов, направленных на модернизацию и технологические обновления, на рост агрегированной производительности труда (производительность экономики в целом). Суть проблемы заключается в следующем: агрегированная производительность зависит не только от технологических факторов, но также от того, что происходит с уволенными в результате модернизации работниками (Воскобойников, Гимпельсон, 2015). В экономической литературе отмечается, что одним из важнейших факторов роста производительности труда на микроуровне и появления новых секторов становится изменение структуры занятости за счет перелива трудовых ресурсов из отраслей с низкой производительностью в отрасли с высокой. Масштаб и направления движения высвобождаемой рабочей силы имеют существенное значение: если работники, потерявшие работу на модернизируемых предприятиях, увольняются, то агрегированная производительность труда, при прочих равных условиях, возрастет, поскольку выпуск продукции увеличится, а совокупные затраты труда сократятся. Интересно заметить, что агрегированная производительность повысится и в случае, если такие работники на новом рабочем месте будут работать продуктивнее, чем на отдельном модернизированном заводе или в отрасли. Следовательно, перераспределение работников между предприятиями или отраслями с разным уровнем производительности — реаллокация труда — может или стимулировать, ускорять рост агрегированной производительности, или замедлять. Итак, реаллокация труда имеет положительный ре-

зультат, если она способствует созданию более производительных рабочих мест по сравнению с выбывающими и не создает помехи «созидательному разрушению», т. е. появлению новых эффективных предприятий и уходу с рынка неэффективных (Воскобойников, Гимпельсон, 2015; Миронов, 2019).

Переход российской экономики к новой модели роста с учетом фактора созидательного разрушения предполагает не только макроэкономические преобразования, но и институциональные. Это в свою очередь предполагает оценку масштабов всех необходимых институциональных изменений, сравнимых по влиянию с технологическими изменениями и догоняющих их. В центре внимания государства должно стать создание условий для улучшения институциональной и деловой среды, что обеспечит более интенсивный поток инноваций и в конечном итоге обеспечит повышение факторной производительности. Усилия государства при этом важно направить на устранение барьеров, которые затрудняют действие механизмов созидательного разрушения.

Как известно, институциональная теория подразделяет институты на инклюзивные (созидательные) и экстрактивные. Инклюзивные институты предоставляют возможность любому индивиду участвовать в экономической деятельности, производить новую продукцию, разрабатывать современные технологии и получать прибыль. При этом все права индивида,

включая права на собственность, защищаются законом, а бюрократические препоны минимальны. Такие институты создают условия для созидательной деятельности и способствуют стимулированию экономического роста. При экстрактивных институтах стимулы к инновациям и инвестициям подавляются, так как велика вероятность при слабой защите прав собственности ее утрата. В результате не инвестируются вложения в научно-исследовательские разработки, и, как следствие, отсутствует технический прогресс и, соответственно, экономический рост (Замулин, Сонин, 2019). Подчеркнем, что институциональные реформы должны придать общественным институтам инклюзивность, антикоррупционную направленность и обеспечить всем желающим открытый и справедливый доступ к факторам производства.

Проведенное исследование позволяет заключить, что фактор созидательного разрушения в решении задачи экономического роста в России недостаточно востребован, но при должной реализации может обеспечить принципиально новое его качество — устойчивое развитие. Также необходимо отметить, что результаты работы определяют направления дальнейших исследований: разработку мер по обновлению основных фондов и повышению инвестиционного спроса, а также оптимизации занятости в экономике и повышению производительности общественного труда.

Список источников

- Воскобойников И., Гимпельсон В. Рост производительности труда, структурные сдвиги и неформальная занятость в российской экономике // Вопросы экономики. — 2015. — № 11. — С. 30–61. — DOI: 10.32609/0042-8736-2015-11-30-61.
- Дробышевский С., Казакова М. Декомпозиция темпов роста ВВП в 2016–2019 гг. // Экономическое развитие России. — 2016. — № 6. — С. 3–7. — DOI: 10.32609/0042-8736-2018-9-5-31.
- Дробышевский С. М., Трунин П. В., Божечкова А. В. Долговременная стагнация в современном мире // Вопросы экономики. — 2018. — № 8. — С. 125–141. — DOI: 10.32609/0042-8736-2018-11-125-141.
- Замулин О. А., Сонин К. И. Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года // Вопросы экономики. — 2019. — № 1. — С. 11–36. — DOI: 10.32609/0042-8736-2014-3-4-20.
- Идрисов Г., Синельников-Мурылев С. Формирование предпосылок долгосрочного роста: как их понимать? // Вопросы экономики. — 2014. — № 3. — С. 4–18.
- Илюхин А. А., Илюхина С. В. Актуальность анализа факторов экономического роста на основе таблиц «затраты — выпуск» // Журнал экономической теории. — 2018. — Т. 15. — № 4. — С. 569–578. — DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-4.3.
- Илюхин А. А., Пономарёва С. И., Илюхина С. В. Принцип рациональности в поведенческой экономике // Журнал экономической теории. — 2019. — Т. 16. — № 2. — С. 214–224. — DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-2.4.
- Илюхин А. А., Пономарева С. И., Илюхина С. В. Макроэкономический анализ прогноза бюджета Свердловской области в условиях роста российской экономики // Управленец. — 2017. — № 6. — С. 72–79. — DOI: 10.31063/2073-6517/2018.15-4.3.
- Катуков Д. Д., Малыгин В. Е., Смородинская Н. В. Фактор созидательного разрушения в современных моделях и политике экономического роста // Вопросы экономики. — 2019. — № 7. — С. 95–118. — DOI: 10.32609/0042-8736-2019-7-95-118.
- Мау В. А. Национальные цели и модель экономического роста: новое в социально-экономической политике России в 2018–2019 гг. // Вопросы экономики. — 2019. — № 3. — С. 5–28. — DOI: 10.32609/0042-8736-2019-3-5-28.

- Медведев Д. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. — 2018. — № 10. — С. 5–28. — DOI: 10.32609/0042–8736–2018–10–5–28.
- Мионов В. В. О диагностике текущего состояния российской экономики и среднесрочных перспективах ее роста // Вопросы экономики. — 2019. — № 2. — С. 5–35. — DOI: 10.32609/0042–8736–2019–2–5–35.
- Мионов В. В., Коновалова Л. Д. О взаимосвязи структурных изменений и экономического роста в мировой экономике и России // Вопросы экономики. — 2019. — № 1. — С. 54–78. — DOI: 10.32609/0042–8736–2019–1–54–78.
- Орлова Н., Егиев С. Структурные факторы замедления роста российской экономики // Вопросы экономики. — 2015. — № 12. — С. 69–84. — DOI: 10.32609/0042–8736–2015–12–69–84.
- Орлова Н. В., Лаврова Н. А. Потенциальный рост как отражение перспектив российской экономики // Вопросы экономики. — 2019. — № 4. — С. 5–20. — DOI: 10.32609/0042–8736–2019–4–5–20.
- Сурнина Н. М., Илюхин А. А., Илюхина С. В. Демографический ландшафт региона: факторы, динамика, тенденции, прогнозы // Известия Уральского государственного экономического университета. — 2017. — № 4(72). — DOI: 10.29141/2073–1019–2017–16–4–3.
- Aghion P., Howitt P. A model of growth through creative destruction // *Econometrica*. — 1992. — Vol. 60. — No. 2. — P. 323–351.
- Grossman G. M., Helpman E. *Innovation and growth in the global economy*. — Cambridge, MA: MIT, Press, 1991.
- Meadows D. H., Randers J., Meadows D. L., Behrens W. W. *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*. — Universe Books, 1972. — 211 p.
- Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens W. W. *The limits to growth*. — New York: Universe Books, 1972. — 203 p.
- Meadows D. H., Randers J., Meadows D. L. *The Limits to Growth: The 30-year Update*. — London: Revised, 2004. — 362 p.
- Porter M. E. *The Competitive Advantage of Nations: With a new Introduction*. — New York: Free Press, 1998. — 896 p.
- Romer P. M. Endogenous technological change // *Journal of Political Economy*. — 1990. — Vol. 98. — No. 5. — Part 2. — P. 71–102.
- Schumpeter J. A. *Capitalism, socialism, and democracy*. — New York: Harper & Brothers, 1942.
- Solow R. M. A contribution to the theory of economic growth // *Quarterly Journal of Economics*. — 1956. — Vol. 98. — No. 5. — P. 65–94

Информация об авторах

Илюхин Алексей Александрович — кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: iluhiaa@usue.ru).

Пономарева Светлана Ивановна — кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: PonomarevaSI@e1.ru).

Илюхина Светлана Викторовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры информационных технологий и статистики, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: iluhisv@usue.ru).

For citation: Ilyukhin, A. A., Ponomareva, S. I., & Ilyukhina, S. V. (2019). Economic Growth and the Factor of Creative Destruction. *Zhurnal ekonomicheskoy Teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 16(4), 630-639

A. A. Ilyukhin, S. I. Ponomareva, & S. V. Ilyukhina

Economic Growth and the Factor of Creative Destruction

The article is devoted to the study of the creative destruction factor in theories of economic growth. The study is particularly aimed at investigating the factor of creative destruction in the theory of endogenous growth and determining the practical forms of its application in economic policy. The following tasks were solved: the factor of creative destruction and its action mechanism in the theories of endogenous growth were determined; an interpretation of creative destruction in the context of a new growth model formation was considered; the influence of the factor of creative destruction on the aggregate factor productivity of labour and the GDP dynamics was examined; the possibilities of the practical use of endogenous growth theories and creative destruction in the formation of the economic growth policy in Russia were investigated. The work was based on the hypothesis of economic growth theory considering the destruction factor as the basis for the formation of an economic environment capable of providing a new quality of economic growth. The following general scientific and statistical methods of research were used: comparison method, system analysis, systematisation of information and expert estimates, study of analytical indicators of time series, analysis of the average number of employees for a full range of organisations, method of average absolute growth both by extreme points and the average values of economically active population. The theoretical and methodological foundations of the interpretation of economic growth theories, sustainable development, the creative destruction factor in endogenous economic growth theories were considered. The ambivalence of the «rationality» concept adopted by economic science was noted. The factors of economic policy that initiate and support growth and in a given country were analysed with the theoretical

justification for this approach by the theory of creative destruction. Three types of economic and institutional constraints (factors) hampering the launch of the creative destruction process in the Russian economy were considered. Studied from the point of view of rationality in the distribution of economically active population, the factor of limited and structural imbalances of labour resources served as the basis for the development of methodological approaches to study the forecast dynamics of economically active population. It is concluded that the factor of creative destruction has not so far found application for solving the problem of economic growth in Russia. However, its proper implementation can ensure a fundamentally new quality of economic growth known as sustainable development. The directions for further research were specified, including the development of measures to upgrade fixed assets and increase investment demand, as well as the optimisation of employment in the economy and increasing the productivity of social labour.

Keywords: economic growth theory, sustainable development, endogenous growth theory, creative destruction factor, economic behaviour model, research methodology

References

- Voskoboynikov, I., & Gimpel'son, V. (2015). Rost proizvoditel'nosti truda, strukturnye sdvigi i neformal'naya zanyatost' v rossiyskoy ekonomike [Productivity Growth, Structural Change and Informality: The Case of Russia]. *Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki]*, 11, 30–61. DOI: 10.32609/0042–8736–2015–11–30–61. (In Russ.)
- Drobyshevskiy, S., & Kazakova, M. (2016). Dekompozitsiya tempov rosta VVP v 2016–2019 gg. [Decomposition of GDP Growth Rates in 2016–2019]. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii [Russian economic developments]*, 6, 3–7. DOI: 10.32609/0042–8736–2018–9–5–31. (In Russ.)
- Drobyshevskiy, S. M., Trunin, P. V., & Bozhechkova, A. V. (2018). Dolgovremennaya stagnatsiya v sovremennom mire [Secular stagnation in the modern world]. *Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki]*, 8, 125–141. DOI: 10.32609/0042–8736–2018–11–125–141. (In Russ.)
- Zamulin, O. A., & Sonin, K. I. (2019). Ekonomicheskiy rost: Nobelevskaya premiya 2018 goda [Economic growth: Nobel prize in economic sciences 2018 and the lessons for Russia]. *Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki]*, 1, 11–36. DOI: 10.32609/0042–8736–2019–1–11–36. (In Russ.)
- Idrisov, G., & Sinef'nikov — Murylev, S. (2014). Formirovanie predposylok dolgosrochnogo rosta: kak ikh ponimat'? [Forming Sources of Long-run Growth: How to Understand Them?]. *Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki]*, 3, 4–18. DOI: 10.32609/0042–8736–2014–3–4–20. (In Russ.)
- Ilyukhin, A. A., & Ilyukhina, S. V. (2018). Aktual'nost' analiza faktorov ekonomicheskogo rosta na osnove tablits «zatraty — vypusk» [The Relevance of the Economic Growth Analysis Based on the Input-Output Tables]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [The Russian Journal of the Economic Theory]*, 15(4), 569–578. DOI: 10.31063/2073–6517/2018.15–4.3. (In Russ.)
- Ilyukhin, A. A., Ponomareva, S. I., & Ilyukhina, S. V. (2019). Printsip ratsional'nosti v povedencheskoy ekonomike [Principle of Rationality in Behavioural Economics]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii [The Russian Journal of the Economic Theory]*, 16(2), 214–224. DOI: 10.31063/2073–6517/2019.16–2.4. (In Russ.)
- Ilyukhin, A. A., Ponomareva, S. I., Ilyukhina, S. V. (2017). Makroekonomicheskiy analiz prognoza byudzheta Sverdlovskoy oblasti v usloviyakh rosta rossiyskoy ekonomiki [Macroeconomic Analysis of Sverdlovsk Oblast Budget Forecast in the Con-text of Economic Growth in Russia]. *Upravlenets [Upravlenets — The Manager]*, 6, 72–79. (In Russ.)
- Katukov, D. D., Malygin, V. E., & Smorodinskaya, N. V. (2019). Faktor sozidatel'nogo razrusheniya v sovremennykh modelyakh i politike ekonomicheskogo rosta [The factor of creative destruction in modern economic growth models and growth policy]. *Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki]*, 7, 95–118. DOI: 10.32609/0042–8736–2019–7–95–118. (In Russ.)
- Mau, V. A. (2019). Natsional'nye tseli i model' ekonomicheskogo rosta: novoe v sotsial'no-ekonomicheskoy politike Rossii v 2018–2019 gg. [National goals and model of economic growth: New in the Russian socio-economic policy of 2018–2019]. *Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki]*, 3, 5–28. DOI: 10.32609/0042–8736–2019–3–5–28. (In Russ.)
- Medvedev, D. (2018). Rossiya-2024: Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya [Russia-2024: the strategy of social and economic development]. *Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki]*, 10, 5–28. DOI: 10.32609/0042–8736–2018–10–5–28. (In Russ.)
- Mironov, V. V. (2019). O diagnostike tekushchego sostoyaniya rossiyskoy ekonomiki i srednesrochnykh perspektivakh ee rosta [On the diagnostics of the current state of the Russian economy and its medium-term growth prospects]. *Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki]*, 2, 5–35. DOI: 10.32609/0042–8736–2019–2–5–35. (In Russ.)
- Mironov, V. V., & Konovalova, L. D. (2019). O vzaimosvyazi strukturnykh izmeneniy s ekonomicheskogo rosta v mirovoy ekonomike i Rossii [On the relationship of structural changes and economic growth in the world economy and Russia]. *Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki]*, 1, 54–78. DOI: 10.32609/0042–8736–2019–1–54–78. (In Russ.)
- Orlova, N., & Egiev, S. (2015). Strukturnye faktory zamedleniya rosta rossiyskoy ekonomiki [Structural Factors of Russian Economic Slowdown]. *Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki]*, 12, 69–84. DOI: 10.32609/0042–8736–2015–12–69–84. (In Russ.)
- Orlova, N. V., & Lavrova, N. A. (2019). Potentsial'nyy rost kak otrazhenie perspektiv rossiyskoy ekonomiki [Potential output as a reflection of Russian economy perspectives]. *Voprosy ekonomiki [Voprosy Ekonomiki]*, 4, 5–20. DOI: 10.32609/0042–8736–2019–4–5–20. (In Russ.)
- Surnina, N. M., Ilyukhin, A. A., & Ilyukhina, S. V. (2017). Demograficheskiy landshtaf regiona: faktory, dinamika, tendentsii, prognozy [Demographic Landscape of the Region: Drivers, Dynamics, Trends, Forecasts]. *Izvestiya Ural'skogo*

gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Journal of New Economy], 4(72), 32–44. DOI: 10.29141/2073–1019–2017–16–4–3. (In Russ.)

Schumpeter, J. A. (1942). *Capitalism, socialism, and democracy*. New York: Harper & Brothers.

Aghion, P., & Howitt, P. A. (1992). Model of growth through creative destruction. *Econometrica*, 60(2), 323–351.

Grossman, G. M., & Helpman, E. (1991). *Innovation and growth in the global economy*. Cambridge, MA: MIT Press, 359.

Solow, R. M. (1956). A contribution to the theory of economic growth. *Quarterly Journal of Economics*, 98(5), 65–94.

Romer, P. M. (1990). Endogenous technological change. *Journal of Political Economy*, 98(5), 2, 71–102.

Meadows, D. H., Randers, J., Meadows, D. L., & Behrens W. W. (1972). *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind*, 1. Universe Books, 211.

Meadows, D. H., Meadows, D. L., Randers, J., & Behrens, W. W. (1972). *The limits to growth*. New York: Universe Books, 203.

Meadows, D. H., Randers, J., Meadows, D. L. (2004). *The Limits to Growth: The 30-year Update*. London: Revised, 362.

Porter, M. E. (1998). *The Competitive Advantage of Nations: With a new Introduction*. New York: Free Press, 896.

Authors

Alexey Alexandrovich Ilyukhin — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Political Economy, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: iluhiaa@usue.ru).

Svetlana Ivanovna Ponomareva — PhD in Economics, Associate Professor, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: PonomarevaSI@e1.ru).

Svetlana Viktorovna Ilyukhina — PhD in Economics, Associate Professor, Department of Information Technology and Statistics, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russian Federation; e-mail: iluhisv@usue.ru).